

Спустя много лет Цао Пи, прислонившись к плечу Сыма И, горько и иронично усмехнётся. Он часто будет вспоминать те слова Цао Цао с глубоким вздохом:

— Как нелепо. Подумай только, разве отец когда-нибудь по-настоящему обладал братом Цзысю или мной? А ведь твердил об утрате. Если в тот миг кто и имел право говорить о потере, так это я.

Каждый раз, слыша подобное, Сыма И откладывал в сторону бамбуковые планки, притягивал Цао Пи к себе и с невольным вздохом звал его по имени:

— Цзыхуань...

В его голосе, как и в самом имени, всегда слышалось эхо затаённой печали.

Но всё это будет потом. А тогда ещё совсем юный Цао Пи, получив пощёчину, лишь застыл на мгновение. Затем он медленно опустился на землю и забормотал, словно в бреду:

— Я знаю... Старший брат умер. Он больше не вернётся... Разумеется, я знаю, как мне не знать. Я просто не могу поверить, не хочу... Но я правда знаю: он ушёл навсегда. Его нет...

Он повторял эти фразы снова и снова, и каждое слово острой иглой вонзалось в сердце Цао Цао, терзая и душу самого мальчика. Но Цао Пи так и не заплакал. Он лишь пытался заглушить боль в собственном разуме. Его сердце отказывалось принимать правду: Цао Ан мёртв.

— Второй молодой господин, молодой господин...

Сквозь пелену забытья до Цао Пи донёсся тихий голос. Он открыл глаза и увидел служанку, замершую у кровати. Заметив, что хозяин очнулся, та продолжила:

— Молодой господин, рассвело. Вам пора готовиться к выходу в траурный зал.

Позволив служанке облачить себя в белоснежные одежды, Цао Пи бросил взгляд в окно. Утреннее солнце, омытое недавним дождём, ударило в глаза, заставив его прищуриться. Он вдруг спросил с улыбкой:

— Скажи, почему сегодня такая чудесная погода?

Служанка, поражённая его светлой улыбкой, лишь растерянно покачала головой. Поправив его

пояс, она поспешно покинула комнату. Оставшись один на один с восходящим солнцем, Цао Пи медленно погасил улыбку.

— Так хорошо, что тошно, — с невыразимой скорбью прошептал он.

В тот день в поместье Цао пришло множество людей. Громкий плач и тихие всхлипы сливались в единый стон. Называлось это похоронами, хотя в гроб положили лишь платье и венец покойного.

Стоя среди толпы в траурном одеянии, Цао Пи чувствовал лишь нарастающее раздражение. Ему отчаянно хотелось вырваться из этого зала, убежать туда, где нет ни души, и забыться глубоким сном. Но он не мог. Теперь он стал старшим сыном в роду Цао, и каждый его жест, каждый взгляд касались чести семьи.

Миновал длинный, суетный день. Когда последние гости — кто с искренним горем, кто с притворным сочувствием — покинули дом, Цао Пи остался в пустом зале. Он замер в растерянности. Заходящее солнце косо подсвечивало его фигуру, отбрасывая на пол длинную, одинокую тень. Опустив голову, Цао Пи протянул руку к собственной тени и увидел, как та отвечает ему тем же — замирает в пустоте, не находя отклика. Простояв так какое-то время, он почувствовал, насколько это нелепо, и уже хотел опустить руку, как вдруг появилась другая тень. Она без колебаний накрыла его ладонь своей.

Цао Пи медленно поднял глаза и увидел молодого человека с дерзкой улыбкой.

— Вы... Советник-цзицзю Го?

— О? — протянул Го Цзя, и хотя слова его выражали удивление, в тоне не было ни капли изумления. — Ты и меня знаешь?

Высвободив руку из его ладони, Цао Пи негромко ответил:

— В свите отца только вы позволяете себе так пренебрегать правилами.

— Вот как? — Го Цзя притворно-огорчённо присел рядом на корточки. — Неужели слава о Го Фэнсяо столь дурна? Ваши слова, молодой господин, ранят меня в самое сердце.

Глядя на то, как человек, который был старше него едва ли не вдвое, разыгрывает перед ним это представление, Цао Пи невольно вздохнул:

— Нет... я хотел сказать, что вы... свободны духом.

— Ну нет! Это требует возмещения! — Го Цзя вскинул голову и с напускной свирепостью

уоставился на мальчика.

— Какого ещё возмещения? — Цао Пи насторожился.

Го Цзя улыбнулся, точно лис, и, бесцеремонно схватив Цао Пи за плечо, потащил к выходу.

— Разумеется, ты составишь мне компанию за чаркой вина!

— Эй! Нельзя! Если отец узнает, он меня убьёт!

— Да бросьте, господин Цао не такой человек, не беспокойтесь! — Го Цзя шагал к воротам с самым беззаботным видом.

— Говорите так, будто он ваш родной отец! Откуда вам знать? К тому же я не пью вино! — Цао Пи отчаянно вырывался, ища глазами хоть кого-то, кто мог бы прийти на помощь.

— Каким же ты бываешь шумным, просто беда.

С этими словами Го Цзя без лишних церемоний зажал мальчику рот ладонью и вальяжно вышел за ворота поместья. В то мгновение, когда его уносили из дома, Цао Пи успел заметить мелькнувшую в глубине галереи фигуру Сюнь Юя, но позвать на помощь уже не мог.

Сюнь Юй, стоя на углу галереи, с тревогой смотрел вслед исчезнувшей паре. Он подумал, что зря доверился Го Цзя, который обещал «утешить» второго молодого господина. Этот негодник бывал серьёзен лишь тогда, когда дело касалось стратегии, в остальное же время от него не стоило ждать ничего хорошего. Со вздохом покачав головой, Сюнь Юй направился к покоям Цао Цао.

Казалось, всякий раз, когда Цао Цао предавался скорби, Сюнь Юй видел лишь его спину. И сейчас — та же комната, тот же низкий столик, тот же человек. Даже солнечные лучи падали в комнату точно так же, словно по расчёту.

Тихо подойдя, Сюнь Юй сел рядом. Он не спешил заговаривать, понимая: пока сам не пройдёшь через подобное горе, не сможешь постичь его глубину. Пустые утешения звучат фальшиво, а равнодушие ранит — лишь молчаливое присутствие способно немного унять чужую боль.

В комнате воцарилась тяжёлая, мёртвая тишина. Лишь когда солнце начало прятать свои последние лучи, Цао Цао повернулся к собеседнику:

— Вэньжо, мой самый любимый сын... он умер.

Сюнь Юй, не поднимая глаз, лишь едва заметно кивнул.

— В тот день, когда мы спаслись, — продолжал Цао Цао, глядя в потолок, — я сказал: «Я потерял старшего сына и любимого племянника, но не чувствую такой скорби, как о Дянь Вэе, о котором плачу навзрыд!» Ты... ты веришь в это?

Вперив взгляд в пол, Сюнь Юй тихо произнёс:

— Найдётся ли в поднебесной человек, чьё сердце не облилось бы кровью, провожая сына в могилу раньше срока? Тем более что господин Цао души не чаял в старшем сыне.

Цао Цао горько усмехнулся.

— Последнее прощание с Цзысю было столь стремительным... А он лишь просил меня беречь Пи-эр. И теперь я вижу: Цзысю ушёл, но и Пи-эр мне не удержать. — Он тяжело вздохнул. — Плохой я отец. Даже последнюю волю сына исполнить не в силах.

— Вам не стоит так убиваться. Второй молодой господин ещё юн, а их связь с братом была слишком глубока. Ему просто нужно время, чтобы принять это. Когда боль утихнет, он поймёт, как нелегко пришлось и вам. Тогда и наступит время для примирения. — Помолчав, Сюнь Юй добавил: — Сейчас не время для скорби. Лишь искоренив наших врагов одного за другим, мы сможем упокоить дух старшего молодого господина.

Он знал своего господина слишком хорошо. Знал, какие слова заставят его снова расправить плечи.

— Верно. Я сказал, что отныне больше не познаю поражений. Придёт день, и я раздавлю их всех, принеся в жертву памяти сына.

Сюнь Юй едва заметно улыбнулся.

— Да, — мягко отозвался он.

Цао Цао поправил платье, и от его недавней подавленности не осталось и следа. Он был тем, кто рождён покорить поднебесную; он мог горевать, но не мог позволить себе утратить волю из-за одного человека.

— Пойди, приведи ко мне Пи-эр.

— Э-э... — Сюнь Юй замялся, в его взгляде отразилось явное затруднение.

— Что случилось? — удивился Цао Цао.

«Го Фэнсяо, ты истинный мерзавец! Вечно ты творишь глупости, а отдуваться мне! Если я ещё хоть раз тебе пособлю, я не Сюнь Юй!» Мысленно проклиная Го Цзя всеми карами, Сюнь Юй с невозмутимым лицом ответил:

— Когда я шёл сюда, мне показалось, что второй молодой господин покинул поместье вместе с Фэнсяо. Должно быть, Фэнсяо не вынес печали юноши и решил увести его, чтобы развеять тоску.

Цао Цао понимающе кивнул:

— Что ж, похвально. У Фэнсяо доброе сердце, пусть идут.

Спрятав руки в широких рукавах, Сюнь Юй продолжал твердить себе: «Это не ложь. Молодой господин действительно ушёл с Фэнсяо, пусть и по принуждению. И Фэнсяо правда пошёл его утешать, просто способ выбрал... своеобразный».

Го Цзя привёз Цао Пи к берегу реки Иншуй. Стоило ему спешиться, как по спине пробежал холодок. Вздрыгнув, он подвёл мальчика к самой воде.

— Ну вот. Если хочешь что-то сказать — скажи этой реке.

В сгущающихся сумерках Цао Пи с подозрением посмотрел на спутника:

— Так ты не пить меня притащил?

— Ты и правда думаешь, что я ищу смерти? Потащи я такого желторотого юнца в кабак, господин Цао спустил бы с меня шкуру. — Он на миг задумался и усмехнулся: — Хотя, думаю, я ему ещё дорог. Ха-ха!

Цао Пи снова отвернулся к воде.

— Ты ради этой чепухи привёз меня сюда?

Го Цзя бесцеремонно растянулся на траве, закинув руки за голову.

— Не ради чепухи. Тебе нужно выговориться. Скажи всё, что хотел сказать брату, и живи дальше. Нечего киснуть день за днём, точно красная девица.

Цао Пи возмущённо сверкнул глазами:

— Что ты смыслишь? Того, что я хотел бы сказать брату, не уместить и в целую ночь! Я хотел, чтобы он жил, чтобы я мог говорить с ним ещё десять, двадцать лет... всю жизнь!

Го Цзя лишь пожал плечами, не обидевшись на его гнев.

— Конечно, я не понимаю. Он не был моим братом. Но он мёртв — и это правда. — Помолчав, он добавил: — Зато я знаю, что все реки текут в море. Я слышал, тело молодого господина кануло в воды Юйшуй. Значит, то, что ты скажешь этой реке, когда-нибудь достигнет его. Ты говоришь, слов слишком много? Тогда выбери те, что он больше всего хотел бы услышать. Скажи их, чтобы он мог уйти со спокойным сердцем.

Увидев непривычную серьёзность на лице Го Цзя, Цао Пи замолчал. Спустя долгое время он отвесил мужчине низкий, исполненный почтения поклон и отошёл в сторону. Го Цзя, поняв, что его слова достигли цели, предоставил мальчика самому себе и принялся сосредоточенно считать звёзды.

Течение Иншуй было ленивым, в воде дрожали отражения звёзд. Цао Пи стоял у самой кромки, не произнося ни слова. Ему просто нужно было место, где его никто не потревожит.

Прошёл час. Другой.

Проснувшийся Го Цзя вытащил затёкшие руки из-под головы, растёр их и увидел неподвижную фигуру Цао Пи в десяти шагах от себя.

— Уж не заснул ли он стоя?.. Знал бы, право, прихватил бы кувшин вина. — Понаблюдав ещё немного и окончательно заскучав, Го Цзя перевернулся на другой бок и снова уснул.

В ночной тишине, вслушиваясь в плеск воды, Цао Пи вдруг почувствовал, как сдерживаемые так долго чувства прорвались наружу. Запоздалые слёзы одна за другой покатались из глаз, исчезая в речном потоке. Сделав шаг назад, он опустил на колени и зарыдал в голос, не таясь — он не хотел, чтобы его слёзы падали в реку. Если брат Цзысю узнает об этом, ему будет больно.

Мужчины не плачут по пустякам — они плачут лишь тогда, когда сердце разрывается в клочья.

Слёзы быстро пропитали ворот траурного платья, но Цао Пи плакал, не зная усталости. Ему нужно было выплеснуть всё горе, что копилось в душе эти дни, чтобы после найти в себе силы жить. Он должен доказать Цао Ану: тех десяти лет любви и наставлений, что он получил от него, хватит, чтобы выстоять до самого конца. Брат отдал за него жизнь не напрасно.

Долгое время после той ночи Цао Пи больше не пролил ни единой слезы. Он жил, гордый и

блестящий, точно феникс, на виду у всей поднебесной. Каждым своим поступком он подтверждал клятву, данную на берегу реки Иншуй:

— Старший брат, я буду жить хорошо. Даже если тебя нет рядом, А-Пи обязательно будет жить хорошо.

Но судьба изменчива, и слёзы Цао Пи не высохли навсегда. Однако это случится лишь десять лет спустя, когда в его жизнь войдёт совсем другой человек.

<http://bllate.org/book/17368/1694618>